

DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-2-152-174

УДК 81:39

КУЛИНАРНЫЙ КОД КУЛЬТУРЫ ВО ВТОРИЧНЫХ НОМИНАЦИЯХ РУССКОГО И ЧЕШСКОГО ЯЗЫКОВ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Е.М. Маркова

Московский государственный областной университет
ул. Радио, 10А, Москва, Россия, 105005
Университет Св. Кирилла и Мефодия
Трнава, Словакия

CULINARY CULTURE CODE IN THE SECONDARY NAMING OF THE RUSSIAN AND CZECH LANGUAGES: LINGUISTIC AND METHODOLOGICAL ASPECTS

E.M. Markova

Moscow State Regional University, Moscow, Russia
Radio str., 10A, Moscow, Russia, 105005
Ss. Cyril and Methodius University, Trnava, Slovakia

В статье с позиций лингвокультурного и лингводидактического подходов рассматривается одна из самых активных и устойчивых метафорических языковых моделей, основанных на развитии вторичных значений наименований пищи славян и получивших название кулинарного кода. Кулинарный культурный код «кодирует» наши представления о мире с помощью пищевых образов, имеющих номинации. Автор ставит целью на материале имен существительных двух славянских языков: русского и чешского — выявить общее и специфическое в развитии вторичных номинаций названий пищи, рассмотреть специфические для сравниваемых этнокультурных номинанты еды, проследив их судьбу во вторичном семиозисе: в метафорах, сравнениях, фразеологических выражениях, пословицах. В статье делается вывод, что факты вторичной номинации, транслирующие кулинарный код, нередко несут культурологическую информацию, объективируют особенности восприятия окружающего мира разными этносами, даже восходящие к общему — праславянскому — источнику. Билингвальное сопоставление лексем, транслирующих культурный код, дает возможность определенным образом организовать лексический материал в целях его изучения в инославянской аудитории. На основании лингвокультурного анализа названий пищи в двух сравниваемых славянских языках предлагается лингводидактическая группировка лексики в их метафорических значениях в соответствии с принадлежностью к тому или иному коду культуры. Это позволит эффективно овладеть лексикой определенной тематической группы не только в денотативном значении, но и в концептуальном, что дает возможность постигать культуру, транслируемую изучаемым близкородственным языком, в сравнении с родной культурой.

Ключевые слова: лингвокультурология, культурные коды, лингводидактическая группировка лексики, славянские языки

The article considers the realization of one of the most active and stable metaphorical language models based on the development of secondary meanings of the Slavs' food names and known as the culinary code, from the linguocultural and linguo-didactic standpoint. Culinary cultural code "encodes" our understanding of the world through food images having names. The author's goal is to reveal the general and the specific in the development of secondary names of food; consider the food names specific for the ethnic cultures being compared, tracing their fate in the secondary semiosis — in metaphores, similes, phraseological expressions, proverbs — on the material of nouns in two Slavic languages, Russian and Czech. The article concludes that the facts of secondary naming transmitting culinary code often carry culturological information, objectify particular perceptions of the world by different ethnic groups, even those going back to the common Proto-Slavic roots. Bilingual comparison of lexical units transmitting cultural code allows a certain way of organizing lexical material for it to be studied by non-Russian Slavic audiences. On the basis of the linguocultural analysis of food names in the two compared Slavic languages, the article offers linguo-didactic grouping of the vocabulary in their figurative meanings, in accordance with the belonging to a particular culture code. This will ensure effective mastering of the vocabulary of a certain thematic group not only in the denotative, but also in the conceptual meaning, making it possible to comprehend the culture, transmitted by the closely related language under study, in comparison with the native culture.

Key words: Cultural Linguistics, cultural codes, linguo-didactic vocabulary grouping, Slavic languages

Введение

Те или иные номинанты объектов окружающего мира, помимо выполнения своей прямой, номинативной, функции, нередко употребляются еще во вторичном, метафорическом, значении, объективируя, таким образом, наше отношение к другому предмету или явлению действительности. «Имена, называющие подобные объекты, образуют связанные друг с другом вторичные семиотические системы, которые ученые называют кодами (соматическим, зооморфным, природно-ландшафтным и др.) национальной культуры» [1. С. 39]. Код культуры представляет собой нормативно-ценностную символическую систему вторичного означивания и проявляется в процессах категоризации и концептуализации действительности. Культурные коды потому и называются так, что они «кодируют» человеческие представления о мире, выражают их с помощью тех или иных, уже имеющих номинации, образов. Они занимают центральное положение в национальном культурном пространстве, структурно формируют его. Сама национальная культура при этом выступает как совокупность различных кодов.

Имена, принадлежащие тому или иному коду культуры, обладают, помимо общезыкового, еще и особым, чаще всего эмоционально-оценочным, значением как знаки вторичной семиотической системы. При культурологическом подходе к изучению языковых фактов исследователей интересует бытование той или иной лексемы в языковом сознании представителей национального лингвокультурного сообщества, вся совокупность ее семантических переосмыслений и культурно-исторических наращений, что вербализуется в переносных значениях данной единицы, во фразеологии, в поговорках. «Обыденному» значению слова оказывается противопоставлено его «мифологическое» или «символическое» значение.

Таким образом, актуальность исследования культурных кодов вообще, и авторского исследования реализации кулинарного кода в частности, обусловлена

тем, что на современном этапе развития языкознания в аспекте антропоцентрического подхода в центре интересов исследователей языка находится проблема репрезентации культуры в языке. Исследованием различных культурных кодов в языке занимались такие исследователи, как Н.Ф. Алефиренко [2], В.В. Воробьев [3], Д.Б. Гудков [1], В.В. Красных [4], М.Л. Ковшова [5], В.Н. Телия [6], Г.В. Токарев [7], Л.А. Шестак [8], J. Mlasek [9], J. Sipko [10] и др. Кулинарный (пищевой, гастрономический, глуттонический по разным терминологиям) код культуры рассматривался в разных аспектах в работах С.А. Арутюнова [11], А.Н. Афониной [12], Е.Л. Березович [13], Г. Гачева [14], Е.В. Капелюшник [15], М.Л. Ковшовой [5], С.М. Толстой [16], З.Е. Фоминой [17], Е.А. Юриной [18] и других лингвистов. Вместе с тем отсутствует исследование, посвященное сопоставительному анализу реализаций культурного кода в славянских языках, в частности в сопоставительном русско-чешском ракурсе, дающем возможность разработки данной проблемы и в лингводидактическом аспекте, в плане группировки лексики и повышения эффективности ее усвоения в инославянской аудитории. Это определяет научную новизну данного исследования, имеющего не только теоретическую значимость, заключающуюся в выявлении специфики проявления кулинарного кода культуры в русском языке на фоне близкородственного чешского, но и практическое значение в возможности использования его материалов при преподавании русского языка чехам и чешского языка в русскоязычной аудитории.

Цель

Целью статьи является сравнение символических значений имен существительных русского и чешского языков, обозначающих древние названия пищи славян, выявление общего и дифференциального в их смысловом и метафорическом распространении, вычленение специфических кулинарных номинаций и установлении их символического использования, репрезентирующего особенности русской и чешской культур.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили имена существительные двух славянских языков — русского и чешского, обозначающие древние названия пищи славян и развившие символические значения на основе метафорической модели. Символические значения исследуемых лексем представлены во вторичном использовании номинантов в качестве метафор, в составе фразеологических выражений, пословиц и поговорок, которые также послужили материалом анализа в данной работе.

Методами анализа выявленных лексических, фразеологических, паремийных единиц служат способы системного научного описания, применяемые в целях выявления связей и отношений между исследуемыми единицами, типологизации образных средств языка. Эти ведущие методы реализуются в приемах сплошной выборки, наблюдения, классификации, систематизации, интерпретации, компонентного и контекстного анализа. Для выявления глубинных смыслов, лежащих в основе семантики языковых единиц, использовался метод лингвистического

моделирования, предполагающий приемы концептуального анализа и интроспекции, подразумевающей обращение к собственному языковому сознанию исследователя в процессе анализа явлений родного и близкородственного, инославянского, языков. Для исследования наименований пищи и их символических значений в русском языке на фоне другого славянского языка был использован сравнительно-сопоставительный метод, предполагающий анализ лексем по шкале «сходства» — «различия» как в ономаσιологическом аспекте (от формы к содержанию), так и семасиологическом (от содержания к форме). В статье были использованы также приемы этимологического и лингвокультурологического комментирования в целях анализа внутренней формы лексем, определившей векторы их смыслового распространения, интегративного исследования лексики и фразеологии двух славянских языков на фоне фактов культуры и истории народов — носителей этих языков, для интерпретации пищевой традиции как культурно-исторической основы формирования типовых символических образов, вошедших в языковые системы сравниваемых языков.

Результаты

Методология сравнительного описания образного воплощения кода культуры в семантике языковых единиц в билингвальном аспекте (путем сравнительного анализа лексики двух славянских языков) вносит вклад в разработку проблем лингвистического моделирования языковых и концептуальных структур и реконструкции фрагментов языковой картины мира славян, выявлении их сходств, различий и специфики. В сравнении с другими исследованиями, посвященными анализу лексем, вербализующих кулинарный культурный код, в данной статье привлекаются для анализа только древние славянские названия пищи, прослеживается их семантическое развитие, пути семантического распространения (при этом факты одного языка дополняются фактами сравниваемого языка, что создает более объемную картину смысловой эволюции древней лексемы), демонстрируется специфика образного мировидения русского языкового сообщества относительно близкородственной чешской лингвокультуры.

Материалы статьи могут быть использованы в исследованиях по межкультурной коммуникации, в культурологических исследованиях, связанных с изучением специфики менталитета русского народа в сравнении с ментальными особенностями других славянских народов, при изучении и преподавании курсов лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, славянской лексикологии и фразеологии, в практике преподавания русского языка как инославянского и русского языка как иностранного.

Обсуждение

Овладение лексикой при изучении русского языка как иностранного предполагает выделение нескольких уровней в ее семантике. Первый, элементарный, уровень связан с денотативным значением лексем, их соотношением с реальными объектами действительности. На этом уровне в близкородственных языках, к коим принадлежат славянские языки, наблюдается много сходств, в особенности

среди общей лексики, берущей начало в праславянском языке. Этот семантический уровень изучается на начальном этапе русский как иностранный (РКИ) (уровни А1-А2). Следующий, системный, уровень изучения лексической семантики предполагает выявление спектра синтагматических возможностей лексемы, которые демонстрируют не только сходства, но и многочисленные различия, определяемые несовпадением синтаксической валентности общих слов, а также его парадигматические отношения: синонимические, антонимические, гипогиперонимические и др. Системный уровень лексической семантики становится основным предметом рассмотрения на продвинутом этапе (уровни В1-В2). Наконец, третий, высший, уровень семантики, который можно назвать концептуальным (изучаемый на позднепродвинутом и высшем этапах РКИ — уровнях В2-С2), нацелен на выявление разного рода метафорических переосмыслений, коннотативных наращений, символических значений, что напрямую связано с культурой народа-носителя данного языка, и потому на этом уровне наблюдаются многочисленные расхождения даже в языках близкого родства.

При вторичном использовании языкового знака в качестве номинанта он нередко наделяется культурологической информацией, объективирующей особенности восприятия окружающего мира тем или иным этносом. Любая лингвокультура характеризуется наличием системы эталонов, символов и стереотипов, в которых отражаются нормативные представления того или иного этноса о каком-либо явлении. В них находит отражение когнитивный опыт представителей той или иной этнокультуры. Они отражают миропонимание данного народа, его систему норм и представлений об окружающем мире и человеке, «воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» [6. С. 233] и имплицитно содержат оценку и предписание. В результате вторичные номинации становятся репрезентаторами этнокультурной специфики, которая связана с тем или иным общим для разных культур образом.

Сложность межславянского диалога культур в том, что общая в формальном отношении лексика славянских языков характеризуется неравномерностью ее смыслового, метафорического, символического развития. Даже при сравнении близкородственных языков, какими являются сопоставляемые нами русский и чешский языки, наблюдается культурноконнотативная асимметрия, хотя многое в образном восприятии мира оказывается сходным, свойственным славянскому мировосприятию в целом. Продемонстрируем это на примере вторичного использования названий пищи в русском и чешском языках, объективировавших представления, символы и стереотипы двух славянских народов.

Еда, пища для славян издавна представлялась как дары, исходящие от Бога. Зерно — основа первой славянской еды — наделено сакральным смыслом: зерно воспринималось как «воскрешающее», которое радуется своим «похоронам», потому что это способ его обновления, обогащения. С зерном, а соответственно и со всеми продуктами, изготовленными из него, связывалось основное представление славян о плодородии, о победе над смертью и о вечном торжестве жизни. Многие из представлений о пище древних славян легли в основу концептуального восприятия основных продуктов питания.

Хлеб — наиболее сакральный вид пищи, символ достатка, изобилия и материального благополучия. Осмысливается как дар Божий и одновременно как самостоятельное живое существо и даже образ самого божества, поэтому требует к себе особо почтительного отношения [19]. Недаром и церковная просфора — символ соединения с Богом — представляет собой маленький круглый хлебец. У восточных и западных славян было принято, чтобы буханка хлеба постоянно лежала на столе в красном углу. Недаром русский народ говорит: *хлеб всему голова*. Хлеб на столе символизировал богатство дома, готовность к приему гостя, был знаком божественного покровительства и оберегом от враждебных сил [20]. Поэтому не принято выбрасывать остатки хлеба, и даже крошки рекомендуется скормить птицам. Огромной символикой обладает и так называемое *хлеб-соль* — обобщенное наименование пищи, символизирующего собой приветствие и выражение гостеприимства, обращенное к гостям. Это отразилось в семантике русского словосложения *хлебосольство*, которым называют радушие и щедрость, с которым встречают гостей у русских, а также в недавно образованном от него глаголе *хлебосолить*. Обычай встречать хлебом и солью есть и у чехов, что отражено в выражении *uvítat chlebem a soli*.

В обоих языках слово *хлеб* воспринимается и как основа жизни, нечто жизненно необходимое, что прослеживается в выражениях *хлеб насущный* (чеш. *denní chléb, každodenní chléb, chléb veďdejší*), в чешском фразеологизме *bylo chlébem jejího života* ‘было самым насущным в его жизни’, а также в современном русском выражении *не хлебом единым* — ‘не только богатством, материальным достатком’. Уже в древности лексема *хлеб* означала не только ‘квасную пищу, приготовленную посредством печения из муки’, ‘хлебные зерна, мука’, ‘зерна в колосе или на корню’, но и ‘все необходимое для безбедного существования’ [21]. О связи значений ‘еда, пища’ и ‘достаток, имущество’ свидетельствует и семантика чеш. *strava*, которое в древности имело синкретичное значение: ‘еда, пища’ (как в современном чешском языке), ‘груз’, ‘деньги, затраченные на пропитание’, а также ‘все необходимое для жизни’ [22].

В старочешском языке *chleb* также имело значение не только ‘продукт питания’, но и вообще пропитание (например, в выражении *z chleba slúžiti* ‘служить за пропитание’, в современном чешском *pracovat z chleba* ‘работать ради денег, без интереса’, откуда *chlebařina* [23] ‘работа только из-за денег’, *chlebař* [23] ‘кто работает только из-за денег’, *chleboďarce* ‘работодатель’). О значении ‘достаток’, ‘богатство’ у слова *хлеб* свидетельствует и древнее чешское выражение *jeden chléb*, означавшее ‘иметь общее совместное состояние, имущество’ [22]. Русский фразеологизм *быть на чьих-либо хлебах* ‘жить за чужой счет’ и чешская фразема *ujídat chléb* ‘объедать кого-либо’, чешская пословица *čí chleba jíš, toho píseň zpívej* ‘чей хлеб ешь, того и песни пой’ и русская *чей хлеб кушаю, того и слушаю* вступают в антонимические отношения с русским выражением *на своих хлебах*, с чешским *na svém chlebě* ‘на своем пропитании’, благодаря одинаковому вторичному значению лексемы *хлеб*.

Хлеб означает и ‘заработок’, ‘работа, приносящая хороший доход’. В связи с этим уместно вспомнить русское сочетание *хлебное место* ‘выгодная в материальном отношении должность’, в чешском языке употребительно близкое в се-

мантическом отношении выражение *dobýváti chléb* ‘добиваться хорошей должности’. Значение ‘лишиться заработка, средств к существованию’ выражают аналогичные фраземы *připravít o chléb* — *лишить кого-либо куска хлеба* ‘лишить кого-либо заработка’, *přijít o chléb* — *лишиться куска хлеба* ‘лишиться работы, заработка’, *je bez chleba* — *остаться без куска хлеба* ‘остаться без работы, без средств к существованию’. О трудностях зарабатывания денег, пропитания говорит чешская пословица с компонентом *хлеб*: *všude chleba o dvou kůrkách* (букв.: ‘хлеб везде с двумя корками’), русский эквивалент: *без труда не вытащишь и рыбку из пруда*. Вместе с тем иногда то, чего не хочешь и в чем не нуждаешься, приходит легко и без труда: чеш. *odřikáného chleba největší kus/krajíc* означает букв. ‘от отказного хлеба большой кусок, краюха’ и соответствует русскому выражению *чего не хочешь, то и получишь* [24].

Традиционным является и отношение славян к каше как к основе питания, жизни и силы, что находит выражение в русской фразеологии и паремиологии (например: *щи да каша — пища наша*; *мало каши ел* ‘о физически слабом человеке’). Множественность сваренных зерен изначально придавали этому блюду символику богатства, плодovitости, приумножения достатка.

Типичен для многих языков семантический перенос «пища, еда» → «мероприятие, собрание людей с какой-либо целью» (деривационная связь слов *пирог* ‘мучное изделие’ и *пир* ‘угощение, праздник’ представляет собой данную семантическую модель), что демонстрирует и лексема *каша*. Данный перенос носит метонимический характер и основан на том, что еда — необходимый атрибут разного рода общественных мероприятий, главным образом празднований чего-либо. Уже в древнерусском языке *каша* могла обозначать и ‘пир’ [21]. Так, *кашей* в русских народных говорах называют ‘артель’ как объединение людей, но чаще всего перенос названия связан с обозначением праздника, праздничного застолья: ‘званный вечер после крестин’, а также ‘праздник по случаю окончания жатвы’, известно оно и в старинном значении ‘обед после свадьбы у молодых’ [25]. В говорах словацкого языка *kaše* является наименованием самого свадебного обряда. Семантика ‘дело, требующее хлопот’ проявляется у слова *каша* и в фразеологизмах *заварить кашу*, *расхлебывать кашу*. Значение ‘серьезное дело’ свойственно данной лексеме в обороте *с ним каши не сварить*, к близкому значению имеет отношение и сложение *однокашник*, вышедшее из выражения *в одной каше вариться*. Аналогично этому и у чеш. *kaše* развилось значение ‘дело, ситуация’, которое проявляется, например, в устойчивых выражениях *být v pěkné kaši* ‘быть в неприятной ситуации’, *dostat se do kaše* ‘влипнуть, попасть в неприятную ситуацию’, *nechat v kaši* ‘бросить кого-либо в беде’, *tahat koho z kaše* ‘вызволять, вытаскивать кого-либо из беды’ [24].

В отличие от русских, для которых *каша* может быть и символом беспорядка в голове, мешанины, путаницы, нечленораздельной речи (как и другой «кулинарный» образ — *винегрет*): *у него каша / виногрет в голове*; *во рту каша*, для чехов *каша* символизирует богатство ума, остроумие, что объективировано во фраземе *jídat vtípnou kaši* (букв. ‘есть остроумную кашу’) — ‘быть остроумным, сообразительным’. Символом беспорядка, мешанины в голове и во рту в чешской лингвокультуре выступает другой образ кулинарного кода — чешская национальная

еда *кнедлики*: *má jako knedlík v ústech, v puse, v hubě* (букв. ‘у него словно кнедлик во рту’); *má jako knedlík v krku* (букв. ‘у него словно кнедлик в горле’) ‘у него ком в горле’ (от волнения, слез и др.). Широко раскрытый зевающий рот чехи также шутливо сравнивают со ртом, раскрытым для кнедлика: *brat míru na knedlíky* (букв. ‘брат мерку на кнедлики’) (ср. с рус. *зевать во весь рот*). *Kaša* выступает и как образный компонент чешского фразеологизма *chodit jako (kočka) kolem horké kaše*, эквивалентного русскому *ходить вокруг да около*, а также пословицы *žádná kaše se její tak horká, jak se uvaří* (букв. ‘ни одна каша не такая горячая, как когда ее варят’), аналог русской пословицы *не так страшен черт, как его малюют* [24].

Специфичным, свойственным только русскому лингвокультурному сознанию, является и значение наказания, связанное в русском языке с образом *березовой каши*, обозначающей ‘розги, прутья, которыми бьют, наказывая кого-либо’: *накормить березовой кашей* (в чешском языке передается глаголом *nasekat* ‘высечь’). Не свойственна чешскому языку и ассоциация рваных ботинок со ртом, просящим кашу, реализуемая во фразеологизме *ботинки / сапоги просят каши* (в чешском языке в данном случае возникает аналогия с акулами: *boty mají žraloky* букв. ‘у ботинок есть акулы’). Вместе с тем есть в чешском языке в названии обуви и ассоциация с хлебом, имеющим округлую, большую форму: этот признак послужил основой названия обуви скинхедов — *chleby* [23].

Значимым для русского сознания является и лексема *пирог* (образована от *пир*), лингвокультурное значение которой в полной мере выражено пословицей: *не красна изба углами, а красна пирогами*, а также вариантом фразеологизма *печь как пирожки* ‘много и в большом количестве что-то создавать’. О чем-то сложном и неприятном русские обычно резюмируют: *вот такие пироги* ‘вот такие дела, вот что получилось’. В чешской и словацкой культуре *piroh* обозначает другое изделие из теста, хотя и с начинкой, но напоминающее, скорее, русские пельмени, которые варятся в воде. В то время как русские *пироги* соответствуют в чешском и словацком изделию, обозначаемому словом *buchta* (родственное *бухнуть, разбухать*) [22] и получившему дальнейшее метафорическое развитие в обозначении полной женщины, напр., в выражении *sedí jako buchta*, аналогичном рус. *сидит как квашня, tlustý jako buchta* — *толстый как булка, jako buchtička* — *как пончик*) [26].

Большое значение в русской лингвокультуре имеет *блин* ‘тонкая лепешка из жидкого теста, испеченная на сковороде’. Ритуальное значение блина на Руси, приготавливаемого из размолотого зерна, связывалось с его сходством с солнцем. Круглый и «румяный» (давний и устойчивый эпитет слова *блин*, выступающий в качестве его когнитивной метафоры, связывающей его с солнцем, в котором подчеркивается его красный цвет), он напоминает «умирающее и воскрешающее каждой весной солнце» [27. С. 65]. Традиция русских печь блины на поминки и масленицу уходит своими корнями в представление о блине как символе солнца, победы над холодом, смертью и тьмой. Поэтому много в русской лингвокультуре и фразем с компонентом *блин*: *первый блин комом* (чеш. *každý začátek je těžký*) ‘всякое начало бывает не таким, как хотелось бы’, *печь как блины* (чеш. *nepárat se s čím, sekat jedno za druhým*) ‘делать что-то легко и во множестве; делать что-то наскоро, небрежно’. В русском языке есть множество и компаративных выражений, упо-

требляемых обычно в просторечии: *круглый как блин, плоский как блин, лицо как блин, сиять как масляный блин, сиять как блин на сковородке*.

Каравай воспринимается сейчас как символ русского гостеприимства и радушия. «Большой», «пышный», «круглой формы», он связан не только со свадебной традицией (как это было изначально: свадебный калач — *коровай* — раздавали гостям во время свадебного обряда у древних славян [28. С. 262]), но с приемом почетных гостей государственного масштаба. Этимологически восходит к лексеме *корова* (*a* в написании возникло под влиянием произношения) и связан с ней как символ достатка, плодородия, богатства. *На чужой каравай рот не разевай* — эта русская пословица предостерегает от зависти к чужому достатку, богатству.

В чешской традиции в свадебных обрядах символику, подобную русскому *караваяу*, имеет *kolač* — слово, известное во всех славянских языках и первоначально обозначавшее хлебное изделие больших размеров, подобное колесу (прасл. *kolo* ‘колесо’), с большим отверстием внутри. У славян его пекли на счастье (колесо как символ счастья сохраняет свое значение в обручальном кольце, в подкове, также имеющей форму круга). Его вручали кому-либо из членов семьи, уходящему далеко, или слуге по окончании службы, откуда у слова *kolač* возникло вторичное значение ‘плата, мзда, вознаграждение’, появилось выражение: чеш. *jit s koláčem* ‘возвращаться со службы, с работы’, это значение сохраняется с иронической коннотацией и до наших дней [22]. Широко распространена и пословица с этим словом в значении ‘награда, благо’: *bez práce není koláče* (букв. ‘без работы нет и калача’, ср. с рус. *без труда не вытащишь и рыбку из пруда*). Со временем конфигурация этого хлебного изделия в Чехии и Словакии изменилась: отверстие внутри стали заполнять творогом, джемом, и оно теперь напоминает русскую ватрушку или булку. Однако о былой форме калача свидетельствует и сохранившееся фразеологическое выражение *zaskočilo tu do kolačové dírky* ‘не в то горло попало, подавился’ (букв. ‘ему попало в дырку от калача’). Слово *kolač* получило в чешском языке и узкоспециальные, медицинские, значения как следствие метафорического переноса по форме: *krevní kolač* — ‘сгусток крови, тромб’, *plodový kolač* — ‘плацента’ [29].

В отличие от некоторых других славянских народов, в частности чешского, *калач* у русских сохранил с древности отверстие внутри, что имеет особое значение. Издавна на Руси калачи были не только символом еды, но и обладали апотропеическими (защитными) свойствами, что обусловлено символикой замкнутого круга. Круг, лежащий в основании калача, позволяет воспринимать его как символ защиты. Через отверстие в калаче было принято смотреть, чтобы добиться чьего-нибудь расположения, а также обезопасить себя от порчи, другого вредоносного влияния. Это функционально сближает его с другими предметами, имеющими отверстие: кольцом, венком, ситом [30]. О значимости *калача* для русской лингвокультуры свидетельствуют и следующие фразеологизмы с данной лексемой: *сидим на печи, едим калачи* ‘ничего не делаем’, *достаться на калачи / орехи* ‘о наказании, взбучке’. *Тертый калач* — так говорят об очень опытном человеке, которого трудно провести, обмануть (то же, что *стреляный воробей*), выражение связано с тем, что калач в русской традиции выпекается из крутого теста, которое долго мнут и трут. *Калачи, кренделя, коврижки* как хлебные изделия могут

выступать символом большого вознаграждения, дара в русских выражениях *калачом не заманишь* ‘о том, кто не хочет идти куда-либо’, *ни за какие коврижки / кренделя ‘ни за что’*.

Название *крендель*, ‘сдобная витая булка в форме буквы В’, заимствованное из немецкого *Krengel* (от *Kreng* ‘круг, кольцо’) в XVIII веке [31], также закрепилось в русской фразеологии. Оно имеет и отрицательное значение: передает неуверенные, шатающиеся движения пьяного человека во фразах *выделывать / выписывать / выводить кренделя*. Круглая форма хлебного изделия послужила мотивом для дальнейшего словотворчества и в русских фразах *свернуться кренделем, свернуться / спать калачиком* ‘лежать свернувшись, поджав ноги к груди’. В чешском языке лексема *preclík* (известная только в западнославянских языках как заимствование из романских) ‘баранка, бублик, крендель’ в дальнейшем семантически распространилась на обозначение замерзшего человека, одревеневшего от холода: *zmrzlý jako preclík* (букв. ‘замерз как баранка’) [26], соответствующее русскому *замерз как цуцик*.

Распространенной семантической моделью служит перенос «продукт питания» → «человек». Во многих языках получает языковое выражение сравнение полных женщин с пирогами: подобно чеш. *buchta* ‘пирожок’ метафорическое значение ‘полная женщина’ [32] получили и рус. *булочка, квашня*. Красивая молодая женщина ассоциируется у русских с чем-то сладким и легким, что выражено словом *конфетка*. Близкий этому образ и в основе чешского компаратива *kluk jako cumel* (букв. ‘парень как карамелька’) [26], характеризующего симпатичного молодого человека. Слабохарактерного, вялого человека, рохлю русские в просторечии образно именуют *тюря* (первичное значение: ‘примитивное кушанье — крошенный хлеб в квасе или в воде’), а также *кисель* (древнее название еды, обозначающее ‘студенистое кушанье из муки, чаще сваренное с ягодным соком или молоком’).

Стереотипическим для выражения такого признака детей, как малый рост, является и сравнение с крошкой как мельчайшей частью хлеба, известного многим языкам, ср. рус. *кроха / крошка*, чеш. *drobeček / drobátko* (‘крошка’). В то же время кулинарный код реализован для выражения этого значения в специфическом чешском экспрессивном сравнении малыша со шкваркой, кусочком перетопленного сала в чеш. *škvárně* ‘шкварка’, (от *škvařit* ‘перетапливать сало’) [32].

Разные виды еды получили различное символическое развитие в сравниваемых языках. Так, образ *киселя* довольно широко представлен в русской лингвокультуре. О дальних родственниках русские говорят: *сдьмая / десятая вода на киселе*. Для выражения дальней поездки с незначительной целью используется пословица с этим же образом: *за семь верст киселя хлебать*. В чешском этнокультурном сознании активно разработанными из кулинарного кода оказываются не только кнедлики, но и сардельки — чеш. *buřt*, что вербализовано, например, в выражениях: *to je tu buřt* (букв. ‘это ему сарделька’) (эквивалентно рус. *это ему до лампочки*), *je tlustý jako buřt* ‘толстый как сарделька’, *je dobrý (ale) do buřti* букв. ‘он хорош только для сарделек’ (эквивалент рус. *ему грош цена*) [24].

При этом коды нередко пересекаются, что особенно характерно для русской лингвокультуры, например, во фразе *лантем щи хлебает* кулинарная метафора (*щи* как название крестьянской еды служит ассоциативно обозначением просто-

го человека) пересекается с обувной, усиливая образ простака, далекого от тонкостей цивилизации, или наоборот, номинируя неглупого человека, если оно употреблено с отрицанием: *не лаптем щи хлебает*. Для названия простака в русской лингвокультуре используется и фразама *тульский пряник*, специфичность которой обусловлена сочетанием кулинарного и географического кодов. Форма длинной и тонкой *лапши* вызывает у русских ассоциации с длинными речами, в которую облачается часто вранье: *вешать лапшу на уши* (чеш. *věšet bulíky na nos* букв. ‘вешать бычков на нос’) [24]. В данном случае сходным является пересечение кулинарного и соматического кодов.

Проведенное в рамках данной статьи исследование лексем, номинирующих древние славянские названия еды, открывает и перспективы: в дальнейшем возможно расширение кулинарных номинаций с целью выявления их смыслового развития в билингвальном (русско-инославянском) аспекте или полилингвальном (на материале нескольких славянских языков). При этом билингвальный аспект имеет целью лингводидактическое описание исследуемого материала, направленное на обучение данной части лексики в инославянской аудитории.

Заключение

Проанализированные автором образные средства языковых картин мира двух славянских народов, основанные на кулинарном коде, дают возможность говорить об универсальном и национальном в их восприятии действительности. Средства вторичной номинации наиболее «культуроносные» и культурно обусловленные. Вместе с тем нужно отметить, что «классические» толковые словари, как правило, не описывают эти значения, что делает их описание и систематизацию чрезвычайно актуальными, позволяет приблизиться к решению таких фундаментальных для современного языкознания задач, как описание языковой картины мира, выявление особенностей национальной специфической вербализации универсальных представлений о мире, которые найдут воплощение в специальных культурологических словарях. Именно билингвальный аспект позволяет раскрыть общность и специфику «мировидения» тех или иных славянских народов, особенности их этнокультуры, обусловленные как общей историей славян, так и самостоятельным историческим движением, что имеет ценность и в лингводидактическом аспекте: в целях преподавания русского языка славянам.

ENG

Introduction

Apart from their direct, naming function, certain names of the objects in the world around us are also often used in a secondary, metaphorical sense, thus objectifying our attitude to another object or phenomenon of reality. “The names, denominating such objects, form interrelated secondary semiotic systems, which we call codes (somatic,

zoomorphic, natural-and-landscape etc.) of the national culture” [1. C. 39]. A culture code is a regulatory and value symbolic system of secondary denotation and manifests itself in the categorization and conceptualization of reality. Cultural codes are called that way because they “encode” our understanding of the world, express it through certain images, which already have names. They occupy the central position in the national cultural space, forming it structurally. As for the national culture itself, it acts as a set of different codes.

In addition to the general linguistic meaning, the names belonging to this or that cultural code, have a special, most often emotionally-evaluative meaning, being the signs of the secondary semiotic system. In the cultural approach to the study of linguistic facts, we are interested in the existence of a lexical unit in the linguistic consciousness of the representatives of the national linguistic and cultural community, the totality of its semantic rethinking and cultural and historical accretion, which is verbalized in the metaphorical meanings of the unit, in phraseology, in proverbs. The “commonplace” meaning of the word is contrasted with his “mythological” or “symbolic” meaning.

Thus, the relevance of the study of cultural codes in general, and of our study of the culinary code realization in particular is due to the fact that at the present stage of the linguistics’ development in the aspect of anthropocentric approach, the problem of representation of culture in language lies at the heart of the researchers’ interest. Such researchers as N. Alefirenko [2], V. Vorob’yov [3], D. Gudkov [1], V. Krasny’h [4], M. Kovshova [5], V. Teliya [6], G. Tokarev [7], L. Shestak [8], J. Mlacek [9], J. Sipko [10], et al. engaged in the study of different cultural codes in language. Culinary (food, gastronomic, gluttonic — depending on the terminology) culture code was considered in different aspects in the works by A. Arutyunov [11], A. Afonina [12], E. Berezovich [13], G. Gachev [14], E. Kapelyushnik [15], M. Kovshova [5], S. Tolstaya [16], Z. Fomina [17], E. Yurina [18] and other linguists. However, there has been no research on the comparative analysis of the cultural code realization in Slavic languages, in particular from the comparative Russian-Czech perspective, giving the possibility of developing this problem in the linguo-didactic aspect, in terms of vocabulary grouping and raising the efficiency of its assimilation by non-Russian Slavic audiences. This determines the scientific novelty of this research, which has not only theoretical significance, lying in the identifying of the specific features of manifestation of the culinary culture code in the Russian language on the background of the closely related Czech language, but also practical value, consisting in the ability to use its materials in teaching Russian to Czechs and Czech to Russian-speaking audience.

The aim of the article is to compare symbolic meanings of nouns of the Russian and Czech languages indicating ancient names of Slavic food, to identify the common and differential in their semantic and metaphorical proliferation, to isolate specific culinary names and establish their symbolic use, representing the features of the Russian and Czech cultures.

Materials and methods

Nouns of two Slavic languages, Russian and Czech, indicating ancient names of Slavic food and having developed symbolic meanings based on a metaphorical model, served as the research material. The symbolic meanings of the lexical units under study are

presented in the secondary use of names as metaphors, as part of phraseological expressions, proverbs and sayings, which also served as the analysis material in this work.

The method of systematic scientific description, used to identify the links and relations between the studied units, that of classification of metaphorical means of language are the methods of analysis of the identified lexical, paremic units. This leading method is realized in the techniques of continuous sampling, observation, classification, systematization, interpretation, component and contextual analysis. The linguistic modeling method, implying the techniques of contextual analysis and introspection, which involves addressing the researcher's own linguistic conscience while analyzing the phenomena of his or her native and a closely related non-Russian Slavic language, was used to reveal deep meanings at the base of the semantics of lexical units. To study the names of food and their symbolic meanings in the Russian language on the background of another Slavic language, a comparative and contrastive method, involving the analysis of lexical units on the scale "similarity" — "difference" scale both in the onomasiological (from form to content) and semasiological (from content to form) aspect was used. The article also used the techniques of etymological and linguocultural comment to analyze the internal form of lexical units, which determined the vectors of their semantic spread, the integrative study of vocabulary and phraseology of two Slavic languages on the background of the cultural and historical facts of the peoples speaking these languages, to interpret food traditions as a cultural and historical basis for the formation of typical symbolic images included in the language systems of the compared languages.

Results

The methodology of comparative description of the metaphorical embodiment of culture code in the semantics of linguistic units in the bilingual aspect (by means of comparative analysis of the vocabulary of the two Slavic languages) contributes to the development of the problems of linguistic modeling of language and conceptual structures and reconstruction of fragments of the Slavs' linguistic worldview, revealing of their similarities, differences and specificity. In comparison with other studies, devoted to the analysis of lexical units verbalizing culinary cultural code, this article chooses to analyze only ancient Slavic names of food, traces their semantic development, ways of semantic spread (the facts of one language being complemented with the facts of the compared language, which creates a more dimensional picture of the semantic evolution of the ancient lexical unit), demonstrates the specifics of the conceptual worldview of the Russian language community with respect to the relatively close Czech linguistic culture.

The article can be used in the studies on intercultural communication, in linguistic and cultural research connected with the specificity of the Russian people's mentality as compared to mental features of other Slavic peoples, in the studying and teaching of courses of cultural linguistics, intercultural communication, Slavic lexicology and phraseology, in the practice of teaching Russian as a non-Russian Slavic language and as a foreign language.

Discussion

Vocabulary acquisition when learning Russian as a foreign language implies the identifying of a few levels in its semantics. The first, elementary level is connected with

the denotative meaning of lexical units, their correlation with objects of reality. At this level, many similarities are observed in closely related languages, including Slavic languages, especially among the general vocabulary originating from the Proto-Slavic language. This semantic level is studied at the initial stage of Russian as a Foreign Language (A1-A2 levels). The next, systematic level of studying lexical semantics involves the revealing of the lexical unit's syntagmatic abilities, demonstrating not only the similarities, but also the numerous differences defined by the disparity of the syntactic valency of common words, as well as its paradigmatic relations: synonyms, antonyms, hyperonymic etc. The systematic level of lexical semantics becomes the main subject of discussion at the advanced stage (B1-B2 levels). Finally, the highest third level of semantics, which can be called conceptual (studied at the upper-advanced and highest stages of Russian as a Foreign Language — B2-C2 levels), is aimed at identifying various kinds of metaphorical rethinking, connotative increments, symbolic meanings, which is closely related to the culture of the people speaking this language, because at this level, numerous discrepancies are observed even in closely related languages.

In the secondary use of a linguistic sign as a name, it is often endowed with culturological information objectifying the particularities of the world perception by this or that ethnic group. Any linguistic culture is characterized by a system of standards, symbols and stereotypes, which reflect the regulatory ideas of an ethnic group of a certain phenomenon. They reflect cognitive experience of representatives of one ethnic culture or another. They reflect the understanding of the world by that people, its system of norms and representations of the surrounding world and the man; “reproduce the mentality characteristic of a certain linguocultural community” [6. P. 233] and implicitly contain evaluations and regulations. As a result, secondary names become representatives of the ethnocultural specifics related to a certain image that is common for different cultures.

The complicated character of the inter-Slavic dialogue of cultures lies in the fact that the Slavic peoples' vocabulary, which is formally common, is characterized by its uneven semantic, metaphorical, symbolic development. Even when comparing closely related languages, such as the Russian and Czech languages, correlated by us, one notices cultural and connotative asymmetry, although much of the imaginative perception of the world remains similar, typical of the Slavic worldview as a whole. We shall demonstrate it on the example of secondary use of food names in Russian and Czech, which objectified representations, symbols and stereotypes of two Slavic peoples.

The Slavs have long perceived food as gifts that come from God. Grain — the basis of the first Slavic foodstuffs — is endowed with sacred meaning: grain used to be perceived as “resuscitating”, enjoying its “funeral” because it is the way of its renewal, enrichment. It is with grain and, consequently, with all the products made from it, that the Slavs' basic understanding of fertility, victory over death and the eternal celebration life was associated. Many ancient Slavs' ideas of food formed the basis of the conceptual perception of the basic foodstuffs.

Bread is the most sacred kind of food, a symbol of prosperity, abundance and material welfare. It is interpreted as a gift of God and at the same time as an independent living being, and even an image of the deity, therefore, it requires special deference [19]. There is no wonder that the Church unleavened bread — the symbol of union with God — is a small round piece of bread. It was common with the eastern and western Slavs to always

place loaf of bread on the table in the red corner. It is also for a reason that the Russian people say: *хлеб всему голова* “bread is the staff of life”. Bread on the table symbolized the richness of the home, readiness to receive guests; it was a sign of divine protection and a talisman against hostile forces [20]. So it is unconventional to throw away bread leftovers, and it is even recommended to feed the crumbs to birds. The so-called *хлеб-соль* “bread and salt” — the generalized name of the food, which serves as a welcome and an expression of hospitality addressed to the guests — possesses great symbolism. This was reflected in the semantics of the Russian compounding *хлебосольство* “the act of bread and salt”, which designates hospitality and generosity, with which Russian welcome guests; as well as in the recently formed verb *хлебосолить* “to perform the act of bread and salt”, “to give sb a warm welcome”. The Czech also have the custom of welcoming people with bread and salt, which is reflected in the expression *uvítat chlebem a solí*.

In both languages, the word *bread* is also perceived as the basis of life, something vital that is traced in the expressions *хлеб насущный* (Czech *denní chléb, každodenní chléb, chléb vezdejší*) — “daily bread”, in the Czech phraseologism *bylo chlebem jejího života* “was most urgent in his life” as well as in the contemporary Russian expression *не хлебом единым* — “not on bread alone”, “not only on wealth, material prosperity”. It was already in ancient times that the lexical unit *bread* meant not only “leavened food prepared by means of baking flour”, “bread grain, flour”, “grain in the ear or on the root”, but also “all that is necessary for comfortable existence” [21]. The semantics of the Czech *strava*, which in ancient times meant not only “food” (as in the contemporary Czech language), but also “cargo”, “money spent on food” and “all that is necessary for life”, demonstrate the relationship between the meanings “food” and “wealth, property” [22].

In the Old Czech language, *chleb* also meant not only “foodstuff”, but food in general (for example, in the expression *z chleba sloužiti* “to serve for food”, in contemporary Czech *pracovat z chleba* “to work only for money, without interest”, from which *chlebařina* [23] “work only for money”, *chlebař* [23] “one who works only for money”, *chleboďárce* “employer”). The ancient Czech expression *jeden chléb* meaning “to have a common joint fortune property” [22] is also evidence of the word *bread* meaning “prosperity”, “wealth”. The Russian idiom *быть на чьих-либо хлебах* (lit. “to live on sb else’s breads”), “to live in dependence on others” and the Czech phraseme *ujídat chléb* “to eat off sb”, the Czech proverb *čí chleba jíš, toho píseň zpívej* “sing the songs of the one whose bread you eat”, “he who has the gold makes the rules” and the Russian one *чей хлеб кушаю, того и слушаю* (lit. “I listen to the one whose bread I eat”) enter into an antonymous relationship with the Russian expression *на своих хлебах* (lit. “on one’s own breads”), with the Czech one *na svém chlebě* “on one’s own living”, thanks to the same secondary meaning of the lexical unit *bread*.

Bread also means “earnings”, “work which brings a good income”. In this regard, it is appropriate to recall the Russian word combination *хлебное место* (lit. “a bread place”), “a materially beneficial job”, in the Czech language, a semantically close expression *dobývání chléb* “to achieve a good job” is commonly used. The meaning “to lose earnings, livelihood” is expressed in similar phrasemes *připravít o chléb* (lit. “to deprive sb of a piece of bread”), “to deprive sb of earnings”, *přijít o chléb* “to lose a job, earnings”, *je bez chleba* (lit. “to find oneself without a piece of bread”), “to find oneself without work, without livelihood”. The difficulties of gaining money, food are expressed in the Czech proverb

with a *bread* component *všude chleba o dvou kůrkách* (lit. “bread has two crusts everywhere”, the Russian equivalent being *без труда не вытащишь и рыбку из пруда*, lit. “one does not pull a fish out of the pond easily”). However, sometimes something one does not want and does not need does come quickly and easily — the Czech *odřikáného chleba největší kus/krajič* literally means “a large piece of bread, loaf of the exempted bread” and corresponds to the Russian expression *чего не хочешь, то и получишь* (lit. “what you do not want is what you get”) [24].

Traditional is also the attitude of the Slavs to porridge as the basis of nutrition, life and power, which finds its expression in Russian phraseology and paremiology (e.g. *щи да каша — пища наша*, lit. “cabbage soup and porridge are our food”, *мало каши ел*, lit. “ate too little porridge” — “of a physically weak person”). The plurality of cooked grains originally assigned this dish symbols of wealth, fertility, enhancement of prosperity.

The semantic transfer “food” → “event, a gathering of people with a purpose” (the derivative connection between the words *пирог* (*pie*) “flour product” and *пир* (*feast*) “treat, festival” makes this semantic model) is typical of many languages, which the lexical unit *porridge* also demonstrates. This transfer is metonymic in nature and is based on the fact that food is a necessary attribute of various social events, mostly, celebrations of something. It was already in the Old Russian language that *porridge* could designate “feast” [21]. “Thus, *porridge* in Russian national dialects designates a “crew” as an association of people (Dal), but most often, the transfer of the name is associated with a holiday, a festive feast: “a soiree after christening”, as well as “a celebration of the end of harvest”, it is also known and in the old sense of “dinner after a young couple’s wedding” [25]. In the dialects of the Slovak language, *kaše* is the name of the wedding ceremony itself. The semantics “a case requiring some hassle” appears in the word *porridge* in the phraseologisms *заварить кашу* (lit. “to boil porridge”), “to start sth”, *расхлебывать кашу* (lit. “to slurp porridge”), “to disentangle”. The meaning of “serious business” is also characteristic of this lexical unit in the expression *с ним каши не сваришь* (lit. “one will not make porridge with him”), “he is hard to deal with”, the compounding *однокашник* (lit. “man of the same porridge”), “messmate, old boy”, which was derived from the expression *в одной каше вариться* (lit. “to be boiled in the same porridge”), “to be in the same community”. Similarly, the Czech *kaše* developed the meaning of “business, situation”, which manifests itself, for example, in the fixed expressions *být v pěkné kaši* “to be in an unpleasant situation”, *dostat se do kaše* “to get stuck, get into trouble”, *nechat v kaši* “to leave sb in trouble”, *tahat koho z kaše* “to free, pull sb out of trouble” [24].

In contrast to Russians, for whom *porridge* may symbolize confusion in the mind, hash, mess, slurred speech (as well as another “culinary” image — *винегрет* “vinaigrette”): *у него каша / винегрет в голове* (lit. “he has porridge / vinaigrette in his head”), “he is confused”; *во рту каша* (lit. “porridge in the mouth”, on sb who mumbles); *porridge* for the Czechs symbolizes richness of mind, wit, which is objectified in the phraseme *jíst vtipnou kaši* (lit. “to eat witty porridge”), “to be smart, witty”. Another culinary code image — the Czech national food *knedlíky* (*dumplings*) — also acts as a symbol of disorder, hash in the head and in the mouth, in the Czech linguistic culture: *má jako knedlík v ústech, v puse, v hubě* (lit. “He seems to have a dumpling in his mouth”), “he has a lump in the throat” (from emotion, tears and so on). The Czechs jokingly compare a widely open yawning mouth with that opened for a dumplings: *brat míru na knedlíky* lit. (“to

measure off for a dumpling”) (compare with the Rus. *зевать во весь рот* “to yawn”). *Porridge* also acts both as a metaphorical component in the Czech phraseologism *chodit jako (kočka) kolem horké kaše*, equivalent of the Russian *ходить вокруг да около* “to beat around the bush”, as well in the proverb *žádná kaše se nejí tak horká, jak se uvaří* (lit. “No porridge is as hot as when it is being cooked”), an analogue of the Russian proverb *не так страшен черт, как его малюют* (“The devil is not so black as he is painted”) [24].

The meaning of punishment, connected in the Russian language with the image of “birch porridge” (Rus. *березовая каша*), designating “rods used for beating, punish sb”, is also specific, characteristic only of the Russian linguistic consciousness: *накормить березовой кашей* (lit. “to feed with birch porridge”); in the Czech language, it is conveyed with the verb *nasekat* “to whip”. The Association of torn shoes with a mouth asking for porridge, which is realized in the phraseme *ботинки/сапоги просят каши* (lit. “shoes / boots are asking for porridge”), is not characteristic for the Czech language (which, in this case, draws an analogy with sharks — *boty mají žraloky*, lit. “the shoes have sharks”). At the same time, in the Czech language, the name of shoes also contains an association with bread that is rounded, big in shape — this feature laid the basis of the name of skinheads’ footwear — *chleby* [23].

The lexical unit *пирог* (“pie”, formed from *пир* — “feast”), whose linguocultural meaning is fully expressed in the proverb *не красна изба углами, а красна пирогами* (lit. “It’s not the corners but pies that make a house beautiful”), as well as a version of the phraseological unit *печь как пирожки* (lit. “to bake like pies”), “to create something in large quantities”, is of high significance for the Russian consciousness. Russians summarize something difficult and unpleasant as follows: *вот такие пироги* (lit. “this is what the pies are like”), “there you have it, that’s what happened”. In the Czech and Slovak culture, *piroh* represents another type of pastry, although also stuffed, but rather resembling the Russian dumplings (“pelmeni”) that are boiled in water. At the same time, the Russian *пирогу* corresponds in the Czech and Slovak languages to the product, denoted by the word *buchta* (related to *бухнуть, разбухать* — “to plunk, to swell”) [22] and further metaphorically developed in the designation of a big woman, e.g., in the expression *sedí jako buchta*, similar to the Russian *сидит как квашня* (lit. “sits like dough”), *tlustý jako buchta* — *толстый как булка* (lit. “thick as a loaf”), *jako buchtička* — *как пончик* (lit. “like a donut”) [26].

Of great importance in the Russian linguistic culture is *блин* (“pancake”) “a fine cake made of batter, baked on a frying pan”. In Russia, the ritual significance of the pancake prepared from milled grain, was connected with its similarity with the sun. Round and “ruddy” (a long-time and steady epithet for the word *блин*, acting as its cognitive metaphor, linking it to the sun, which highlights its red color), it resembles “the sun, dying and reviving each spring” [27: 65]. The Russian tradition of baking pancakes on Shrove Tuesday and commemoration is rooted in the idea of the pancake as a symbol of the sun, the victory over the cold, death and darkness. Therefore, the Russian linguistic culture also has many phrasemes with the *блин* component: *первый блин комом* (lit: “The first pancake turns out as a clod”, Czech *každý začátek je těžký*) “not every beginning is the way we would like it to be”; *печь как блины* (lit. “to bake like pancakes”. Czech *nepárat se s čím, sekat jedno za druhým*), “do something easily and plentifully; do something hastily,

carelessly”. The Russian language has a set of comparative expressions usually used in the common parlance: *круглый как блин* (lit. “round as a pancake”), *плоский как блин* (lit. “flat as a pancake”), *лицо как блин* (lit. “face like a pancake»), *сиять как масляный блин* (lit. “to shine like an oily pancake”), *сиять как блин на сковородке* (lit. “to shine like a pancake on a frying pan”).

Каравай (a round loaf) is now perceived as a symbol of Russian hospitality and cordiality. “Big”, “lush”, “round in shape”, it is associated not only with the wedding tradition (as it was originally: a wedding loaf — *коровай* — was handed to the guests during the wedding ceremonies of ancient Slavs [28: 262]), but also with the reception of the honored state-scale guests. Etymologically, the word goes back to the lexical unit *корова* “cow” (*a* in spelling appeared under the influence of pronunciation) and is related to it a symbol of prosperity, fertility, wealth. *На чужой каравай рот не разевай* (lit. “Do not open your mouth to sb else’s round loaf”), “Cast no greedy eye at another man’s pie” — this Russian proverb warns against envy of others’ prosperity and wealth.

In the Czech tradition, it is *kolač* that carries the symbol similar to the Russian *round loaf* in wedding ceremonies. The word *kolač* is known in all Slavic languages and it originally stood for a large bakery product similar to a wheel (in proto-Slavic *kolo* means “wheel”) with a big hole inside. The Slavs used to bake it for happiness (the wheel as a symbol of happiness retains its meaning in the engagement ring, in the horseshoe, which also has the shape of a circle). It was handed over to a family member going somewhere far, or to a servant after the service completion, from which the word *kolač* got its secondary meaning — “payment, bribe, reward”; a Czech expression *jít s koláčem* “return from a service, work” appeared, this meaning persisting to the present day with an ironic connotation [22]. A proverb containing this word in the sense of “reward, benefit” is also widespread: *bez práce není koláče* (lit. “no kalach without work”; cf. with the Russian *без труда не вытащишь и рыбку из пруда* — lit. “you can not pull a fish out of a pond without labor”) — “no gain without pain”. Over time, the configuration of this bakery product in the Czech Republic and Slovakia changed: they started filling the hole with cottage cheese, jam, and it now resembles the Russian cream-filled pastry or a loaf of bread. However, the past form of kalach is also evidenced by the remaining phraseological expression *zaskočilo tu do kolačové dírky* “went the wrong way, choked on smth” (lit. “he had it caught up in the hole of kalach”). In the Czech language, the word *kolač* also acquired highly technical, medical meanings as a consequence of the metaphorical transfer of the shape: *krevní kolač* — “blood clot, thrombus” and *plodový koláč* — “placenta” [29].

Unlike that of some other Slavic peoples, in particular the Czechs, the Russian *калач* “*kalach*” (a fancy loaf, similar to a picket-shaped bun) has retained a hole inside since ancient times, which is of particular importance. In Rus, this type of pastry used to be not only a symbol of food for a long time, but also carried apotropaic (protective) properties, due to the symbolism of a closed circle. The circle, which lies at the base of *kalach*, allows to perceive it as a symbol of protection. It was habitual to look through the hole in *kalach* in order to get someone’s goodwill, as well as to protect oneself from a spell or other harmful influence [30]. This functionally brings it together with the other objects, having an opening — ring, wreath, sieve. The significance of the Russian *kalach* in linguistic culture is evidenced by the following idioms containing this lexical unit —

сидим на печи, едим калачи (lit. “sitting on the stove, eating kalachs”), “not doing anything”; *достаться на калачи / орехи* (lit. “to get sth for kalachs / nuts”), “on a punishment, spanking”. *Тертый калач* (lit. “a well-rubbed kalach”), “a hard nut to crack” is used when talking about a very experienced person, who is difficult to trick, to deceive (the same as *стреляный воробей* “an old bird”), the expression is related to the fact that in the Russian tradition, *kalach* is made from tough dough that is crumpled and rubbed for a long time. *Kalachs, pretzels, gingerbread* as a bakery can serve a symbol of a great reward, a gift in the Russian expressions *калачом не заманишь* (lit. “impossible to tempt with a kalach”) “of sb who does not want to go somewhere”; *ни за какие коврижки / кренделя* (lit. “for no gingerbread / pretzel”), “not at any price”.

Крендель (pretzel), “a rich twisted B-shaped”), borrowed from the German *Krengel* (from *Kreng* “circle ring”) in the 18th century [31], also took root in the Russian phraseology. It also has a negative meaning, too, referring to insecure, staggering movements of a drunk person in the phrasemes *выделявать / выписывать / выводить кренделя* (lit. “to perform, to draw pretzels”). The round shape of the pastry served as a motive for the further word-building in the Russian phrasemes *свернуться кренделем, свернуться/спать калачиком* (lit. “to roll up like a pretzel, to sleep in the shape of a little kalach”), “to lay curled, legs drawn up to the chest”. The Czech lexical unit *prečlık* (known only to the West Slavic languages as a borrowing from Latin) “bagel, pretzel” later semantically spread to the designation of a frozen person, stiff from the cold — *zmrzlý jako prečlık* (lit. “frozen like a bagel”) [26], corresponding to the Russian *замерз как цуцик* “frozen like a tsutsik”.

The transfer “foodstuff” → “person” is a common semantic model. In many languages, the comparison of obese women with pies receives a linguistic expression; e.g. like the Czech *buchta* “pastry” [32], the Russian words *булочка* (“small pastry”), *квашня* (“dough”) also acquired a metaphorical meaning of “a big woman”. Russians associate a beautiful young woman with something sweet and light, which is expressed by the word *конфетка* “a piece of candy”. The image at the heart of the Czech comparative *kluk jako cumel* [26] (lit. “a guy like a piece of caramel”), characterizing a handsome young man, is close to that one. In colloquial speech, Russians call a flabby, flaccid man, a deadhead *тюря* “tyurya” (primary meaning: “a primitive foodstuff — chopped bread in kvass or water”) and *кисель* “kissel” (an ancient foodstuff name meaning “a gelatinous dish of flour, often cooked with berry juice or milk”).

The comparison with the crumb as the smallest part of bread, which is stereotypic for the expression of such a trait of children as small height, is known to many languages, cf. Rus. *кроха / крошка*, Czech *drobeček / drobátko* (these examples meaning “crumb” are used to designate a “baby”). At the same time, the culinary code is realized to express this meaning in a particular Czech expressive comparison of a baby with a pork rind, a slice of melted lard in the Czech *škvrně* “pork rind” (from *škvařit* “to remelt lard”) [32].

Different kinds of food got different symbolic development in the compared languages. Thus, the image of *kissel* is widely represented in the Russian linguistic culture. To refer to distant relatives, Russians say *седьмая / десятая вода на киселе* (lit. “seventh / tenth water on kissel”). To express a distant trip with little purpose a proverb with the same image — *за семь верст киселя хлебать* (lit. “to slurp kissel seven miles away”) is used. In the Czech ethnic and cultural consciousness, it’s not only dumplings but also sausages that turned out actively developed from the culinary code — the Czech *buřt*, verbalized,

for example, in the expressions *to je mu buřt* (lit. “It is a sausage to him”), (the Russian equivalent being *это ему до лампочки* “he doesn’t give a hoot”), *je tlustý jako buřt* “fat like a sausage”, *je dobrý (ale) do buřtu* lit. “He is only good for sausages” (the Rus. equivalent being *ему грош цена* “he is worthless”) [24].

At the same, codes often overlap, which is particularly typical for the Russian linguistic culture, e.g. in the phraseme *лаптем щиплебаем* (lit. “slurps shchi with a bast shoe”), the culinary metaphor (*щиплебаем* “shchi” as the name of a peasant foodstuff is associatively a symbol of a simple man) intersects with the shoe one, enhancing the image of a simpleton, far from the intricacies of civilization, or vice versa, names a simple person, if used with a negative — *не лаптем щиплебаем* (lit. “does not slurp shchi with a bast shoe”). For referring to a simpleton, a linguistic and cultural phraseme *тульский пряник* (lit. “Tula gingerbread”), the specificity of which is caused by the combination of the culinary and geographic codes, is also used in the Russian language. The shape of long and thin *noodles* (Rus. *лапша*) causes Russians associations with long speeches, which often clothe lies — *вешать лапшу на уши* (lit. “to hang noodles on sb’s ears”, the Czech equivalent being *věšet bulíky na nos* lit. “to hang steers on the nose”) [24]. In this case, the intersection of the culinary and somatic codes is similar.

The study of lexical units naming ancient Slavic name of the food, carried out as part of this article, also opens perspectives: in future, it may be possible to expand on culinary names with a view to identify their semantic development in the bilingual (Russian — non-Russian Slavic) aspect or polylingual (on the material of several Slavic languages). The goal of the bilingual aspect is linguo-didactic description of the studied material, aimed at teaching this part of the vocabulary in a non-Russian Slavic audience.

Conclusion

The analyzed figurative means of linguistic worldviews of two Slavic peoples, based on the culinary code, provide an opportunity to talk about the universal and the national in their perception of reality. The means of secondary naming are the most “culture-bearing” and culturally conditioned. However, it should be noted that as a rule, “classical” dictionaries do not describe these meanings, which makes their description and systematization extremely relevant, allows to approach the solution of such fundamental tasks for modern linguistics as the description of the linguistic worldview, determining the particularities of the national specific verbalization of the universal ideas of the world, which will find expression in special cultural dictionaries. It is the bilingual aspect which allows to reveal the community and the specificity of the “worldview” of various Slavic peoples, features of their ethnic culture, due to both the general history of the Slavs, and the independent historical movement, which also has a linguo-didactic value: the purpose of teaching Russian to Slavs.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Гудков Д.Б.* Единицы кодов культуры: проблемы семантики // *Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. Вып. 26.* М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 39–51.
- [2] *Алефиренко Н.Ф.* «Живое» слово. Проблемы функциональной лексикологии. М.: Флинта-Наука, 2009. 342 с.
- [3] *Воробьев В.В.* Лингвокультурология. М.: Изд-во РУДН, 2008. 340 с.

- [4] *Красных В.В.* «Свой» среди чужих: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 374 с.
- [5] *Ковшова М.Л.* Интеракция языка и культуры в действии: на примере культурной интерпретации фразеологизмов // Живодействующая связь языка и культуры. Т. 1: Язык. Ментальность. Культура. Москва-Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2010. С. 27—33.
- [6] *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 284 с.
- [7] *Токарев Г.В.* Лингвокультурология. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та Л.Н. Толстого, 2009. 135 с.
- [8] *Шестак Л.А.* Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса: монография. Волгоград: Перемена, 2003. 312 с.
- [9] *Mlasek J., Baláková D., Kováčová V.* Vývin súčasnej frazeológie: východiská, podoby, uplatňovanie, akceptácia. Ružomberok: Vyd-vo Michala Vaška (Slovensko), 2009.
- [10] *Sipko J.* Teoretické a sociálno-komunikačné východiská lingvokultúrológie. Prešov: FF PU, 2011.
- [11] *Арутюнов С.А., Вороница Т.А.* Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука, 2001. 289 с.
- [12] *Афонина А.Н.* Переносное употребление языковых единиц лексико-семантического поля «питание» // Вестник МГОУ: Серия «Лингвистика». М.: Изд-во МГОУ, 2007. № 1. С. 79—87.
- [13] *Березович Е.Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. 488 с.
- [14] *Гачев Г.Д.* Наука и национальные культуры. Ростов-н/Д: Изд-во Ростовского университета, 2009.
- [15] *Капелюшник Е.В.* Человек сквозь призму кулинарного кода культуры // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2011. № 345. С. 11—14.
- [16] *Толстая С.М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 528 с.
- [17] *Фомина З.Е.* Культурно-гастрономические смыслы в европейском и русском языковом сознании как «мира в миниатюре» // Научный вестник. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». Воронеж, 2009. Вып. № 1 (11). С. 11—24.
- [18] *Юрина Е.А.* Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов: монография. Кокшетау: Изд-во Нац. исслед. Томского гос. ун-та, 2013. 240 с.
- [19] Славянская мифология. Энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Международные отношения, 2002.
- [20] Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М.: Изд-во Ин-та славяноведения РАН, 1995.
- [21] *Срезневский И.В.* Материалы для словаря древнерусского языка. М.: Знак, 1958.
- [22] *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. 5-e vydání. Brno, 2010. 866 s.
- [23] *Slovník nespisovné češtiny.* 2 vyd. Praha, 2006.
- [24] *Mokienko V., Wurm A.* Česko-ruský frazeologický slovník. Olomouc, 2002.
- [25] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М.: Олма-Пресс, 2003.
- [26] *Slovník české frazeologie a idiomatiky. 1. Přírovnání* // F. Čermák, J. Hronek a kol. Praha: Leda, 2009.
- [27] *Семенова М.* Быт и верования древних славян. СПб.: Азбука, 2000.
- [28] *Нидерле Л.* Славянские древности. М.: Новый Акрополь, 2010. 742 с.
- [29] *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost.* Praha, 2003.
- [30] Большой фразеологический словарь русского языка // под ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС, 2006.
- [31] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. 4-е изд. М.: Астрель-АСТ, 2004.
- [32] *Klégr A.* Tezaurus jazyka českého. Praha, 2007.

REFERENCES

- [1] Gudkov D. Units of Cultural Codes: Problems of Semantics // *Language Consciousness, Communication: Coll. of articles*. Vol. 26. M., 2004: 39–51. (In Russ.)
- [2] Alefirenko N. “Living” Word. *Problems of Functional Lexicology*. M.: Flinta-Nauka, 2009: 342 pp. (In Russ.)
- [3] Vorobyev V. *Linguistic and Cultural Studies*. M.: RUDN Publishing House, 2008: 340 p. (In Russ.)
- [4] Krasny’h V. “Insider” Among Aliens: Myth or Reality? M.: Gnozis, 2003. 374 p. (In Russ.)
- [5] Kovshova M. Interaction of Language and Culture in Action: on the Example of Cultural Interpretation of Phraseological Units // *Life Giving Connection Between Language and Culture*. Vol. 1: Language. Mentality. Culture. Moscow-Tula, 2010: 27–33. (In Russ.)
- [6] Teliya V. *Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguistic and Cultural Aspects*. M., 1996: 284 p. (In Russ.)
- [7] Tokarev G. *Linguistic and Cultural Studies*. Tula: Publishing House of Tolstoi Tula State Ped. Univ., 2009: 135 p. (In Russ.)
- [8] Shestak L. *Russian Linguistic Personality: Codes of Figurative Thesaurus Verbalization: monograph*. Volgograd: Peremena, 2003: 312 p. (In Russ.)
- [9] Mlacek J., Baláková D., Kováčová V. *Vývin súčasnej frazeol gie: východiská, podoby, uplatňovanie, akceptácia*. Ružomberok: Vyd-vo Michala Vaška (Slovensko), 2009.
- [10] Sipko J. *Teoretické a sociálno-komunikačné východiská lingvokulturolog gie*. Prešov: FF PU, 2011.
- [11] Arutyunov S. *Traditional Food as an Expression of Ethnic Identity / S. Arutyunov, T. Voronina*. M., 2001: 289 p. (In Russ.)
- [12] Afonina A. *Figurative Use of Linguistic Units of the Lexical-Semantic Field “Food” // MGOU Bulletin: Series “Linguistics”*. M.: MGOU Publishing House, 2007 (1): 79–87. (In Russ.)
- [13] Berezovich E. *Russian Vocabulary on the Common Slavic Background: Semantic and Motivational Reconstruction*. Moscow: Russian Foundation of Education and Science Promotion, 2014: 488. (In Russ.)
- [14] Gachev G. *Science and National Cultures*. Rostov-on-Don: Publishing House of Rostov University, 2009. (In Russ.)
- [15] Kapelyushnik E. *Man through the Prism of the Culinary Code of Culture // Bulletin of Tomsk State University (345)*, Tomsk, 2011: 11–14. (In Russ.)
- [16] Tolstaya S. *The Space of Word. Lexical Semantics in the Common Slavic Perspective*. M.: Indrik, 2008. 528 p. (In Russ.)
- [17] Fomina Z. *Cultural and Gastronomic Senses in the European and Russian Linguistic Consciousness as a “World in Miniature” // Scientific Bulletin: Series “Modern Linguistic and Methodical-Didactic Research”*. Voronezh, 2009. Vol. 1 (11): 11–24. (In Russ.)
- [18] Yurina E. *Tasty Metaphors: Food Tradition in the Mirror of Linguistic Images*. Monograph. Kokshetau, 2013: 240 p. (In Russ.)
- [19] *Slavic Mythology. Encyclopedic Dictionary: 2nd ed.* M., 2002. (in Russ.)
- [20] *Slavic Antiquity. Ethnolinguistic Dictionary*. M., 1995. (In Russ.)
- [21] Sreznevskij I. *Materials for the Dictionary of the Old Russian Language*. M., 1958. (In Russ.)
- [22] Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého. 5-e vydání*. Brno, 2010. 866 s.
- [23] *Slovník nespisovné češtiny. 2 vyd.* Praha, 2006.
- [24] Mokienko V., Vurm A. *Dictionary of Comparisons of the Russian Language*. SPb., 2003. (In Russ.)
- [25] Dal’ V. *Explanatory Dictionary of the Great Russian Language*. In 4 vol. M., 1978–1980. (In Russ.)
- [26] *Slovník české frazeologie a idiomatiky. 1. Přirovnání // F. ermák, J. Hronek a kol.* Praha: Leda, 2009.
- [27] Semenova M. *Life and Beliefs of Ancient Slavs*. SPb., 2001. (In Russ.)
- [28] Niederle L., *Slavic Antiquities*. M.: Novy’j Akropol’, 2010: 742 p. (in Russ.)
- [29] *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost*. Praha, 2003.

- [30] Big Phraseological Dictionary of the Russian Language // Ed. by V. Teliya. M., 2006. (In Russ.)
[31] Fasmer M. Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 vol. 4th ed. M., 2004. (In Russ.)
[32] Klégr A. Tezaurus jazyka českého. Praha, 2007.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 05.01.2016

Дата принятия к печати: 02.02.2017

Article history:

Received: 05.12.2016

Accepted: 16.01.2017

Для цитирования:

Маркова Е.М. Кулинарный код культуры во вторичных номинациях русского и чешского языков: лингвистический и методический аспекты // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания»*. 2017. Т. 15. № 2. С. 152—174.

For citation:

Markova E.M. (2017) Culinary culture code in the secondary naming of the Russian and Czech languages: linguistic and methodological aspects. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 15 (2), 152—174.

Сведения об авторе:

Маркова Елена Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного ФГБОУ ВО МО Московский государственный областной университет; профессор кафедры русистики Университета Св. Кирилла и Мефодия в г. Трнава (Словакия). Почетный работник Высшего образования РФ. *Сфера научных интересов*: сопоставительная лингвистика, славянские (чешский, словацкий) языки, лексикология, семасиология, лингвокультурология, методика преподавания РКИ. Автор более 260 научных публикаций, в том числе трех монографий, глав в четырех коллективных монографиях. *Контактная информация*: elena-m-m@mail.ru

Bio Not:

Elena Markova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian as a Foreign Language at Moscow State Regional University; Professor of the Department of Russian Studies at St. Cyril and Methodius University in Trnava (Slovakia). Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation. *Research interests*: Comparative Linguistics, Slavic (Czech, Slovak) languages, Lexicology, Semasiology, Linguistic and Cultural Studies, Teaching Methodology of Russian as a Foreign Language. Author of over 260 scientific publications, including three monographs, chapters in four collective monographs. *Contact information*: elena-m-m@mail.ru